

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

РЕФЛЕКСЫ ПРАУДМУРТСКИХ СРЕДНЕРЯДНЫХ ГЛАСНЫХ ВЕРХНЕГО ПОДЪЕМА В СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТАХ *

0. Реконструкция праудмуртской системы гласных может быть успешной, как нам кажется, лишь в случае детального рассмотрения тех ее звеньев и элементов, которые по своей сущности вызывают споры и противоречивые суждения исследователей. Так, если первичный (праудмуртский) характер общеудмуртских гласных *a*, *o*, *u*, $\underset{e}{e}$ ($\sim \ddot{o}$), $\underset{i}{i}$, $\underset{e}{e}$ и $\underset{i}{i}$ после выхода в свет специальной работы Ю. Вихманна¹ можно считать установленным², этого нельзя утверждать о гласном $\underset{i}{i}$, имеющем узко локальное распространение.³

1. Относительно происхождения удм. диал. $\underset{i}{i}$ в финно-угорском языкознании есть два диаметрально противоположных мнения.

1.1.1. Предположение о вторичном характере $\underset{i}{i}$ впервые было высказано Т. Г. Аминоффом, который считал, что в словах финно-угорского происхождения $\underset{i}{i}$ возник из первичного *u* под ассимилятивным воздействием палатальных согласных (*džüci* 'лиса', *küjñan* 'теленки', *üj* 'ночь', *küž* 'длинный' и др.) или же следующих за ним переднерядных гласных *i* и *e*, употребляемых в наше время (*šu-* 'говорить' \sim *šuiž*, *ščet* 'сказал') либо уже утраченных современным удмуртским языком (*müš* 'пчела', ср. фин. *mehiläinen*). В отдельных случаях $\underset{i}{i}$ заимствован из татарского языка (*tus* 'портрет', *bus* 'туман' и т. п.).⁴ Идея о вторичном происхождении $\underset{i}{i}$ в период самостоятельного развития удмуртских

* Доклад, прочитанный на XV Всесоюзной конференции финно-угроведов в июне 1974 г. (Петрозаводск), с дополнениями.

¹ Y. Wichmann, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische, Helsinki 1915 (MSFOu XXXVI).

² Правда, и здесь могут быть уточнения и дополнения. В частности, требует изучения вопрос о двух разновидностях *o* в праудмуртском языке, из которых один (назовем **o*₁) регулярно сохранился во всех удмуртских диалектах (коми \ddot{o} , \ddot{a}), ср.:

горд : коми *görd* 'красный', *жюмыт* : коми *römyd* 'сумерки', *боды* : коми *bedь* 'палка', *гозы* : коми *gez* 'веревка' и т. д.; другой (**o*₂), сузился в конце праудмуртского периода в *u* и лишь в реликтовом виде сохранился в составе сложных слов (коми *o*), ср.: *дун* 'цена' (но *коньдон* 'деньги', где *конь-* < *коньы* 'белка' + *дон*) : коми *дон*; *мурт* 'человек; чужой, чужак' (но диал. *šuižmort* 'дядя по матери') : коми *mort* 'человек' и т. д.

³ Гласный $\underset{i}{i}$ выполняет фонемные функции во всех диалектах (бавлинском, кукуморском, татышлинском и шошминском) периферийно-южного наречия, нефонематический $\underset{i}{i}$ встречается также в закамских говорах и бесермянском наречии (см. 1.2.1 и 1.2.2).

⁴ T. G. Aminoff, Wotjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. Julkaisut Y. Wichmann. — JSFOu XIV₂ 1896, стр. 7—11.

диалектов была поддержана Ю. Вихманном⁵, Д. В. Бубрихом. Последний писал в этой связи: «Диалектное удмуртское *y*... не имеет особенно глубоких корней...», ибо «...не имеет никакой поддержки в коми языке».⁶

1.1.2. Это мнение с позиции коми и общепермского исторического вокализма оспаривалось впоследствии В. И. Лыткиным, Э. Итконеном, И. В. Таракановым, исследования которых показали преждевременность и необоснованность категорических утверждений Д. В. Бубриха об отсутствии исторической связи между удм. *й* и соответствующими коми диалектными гласными. В. И. Лыткин, в частности, выявил, что периферийно-южный (п.-южн.) *й* (*ij*) имеет в верхнесысольском (в.-сыс.) и коми-язьвинском (коми-язьв.) диалектах совершенно иные соответствия, нежели п.-южн. *и*: а) в.-сыс. *о́*, коми-язьв. *й́* ~ урс. *ij*, например: в.-сыс. *ло́л*, коми-язьв. *лу́л* ~ урс. *лй́л* 'душа'; *пóн*, *пун* ~ *пй́нэ* 'собака'; *пóж*, *пй́ж* ~ *пй́ж* 'сито' (автором приведено 25 примеров); б) в.-сыс., коми-язьв. *о* ~ урс. *у*, например: в.-сыс., *гожóm*, коми-язьв. *гожем* ~ урс. *гужэм* 'лето'; *дон* ~ *дун* 'цена'; *кок* ~ *кук* 'нога' (33 примера).⁷

1.1.3. Приведенный сравнительный материал недвусмысленно доказывает, что п.-южн. *и* и *й*, имеющие различные соответствия в архаичных коми диалектах, восходят к различным общепермским праязыковым гласным.⁸ Вопрос о том, какой гласный предшествовал современному диал. *й* в праудмуртском языке, в пермистике еще не ставился, равно как и вся проблематика истории удмуртского языка периода самостоятельного развития.

Удмуртская диалектология накопила уже к настоящему времени достаточное количество фактического материала, чтобы поставить на повестку дня некоторые из этих назревших вопросов.

1.1.4. Фонологическая оппозиция п.-южн. *й* : *и* (: *э*), как известно, находит своеобразную корреляцию и в других удмуртских диалектах, в частности, в бесермянском наречии и закамских говорах⁹:

п.-южн.	бес.	закам.	лит.	
а) <i>й</i>	<i>э</i>	<i>й</i>	<i>у</i>	
<i>dürä-</i>	<i>därä-</i>	<i>djri-</i>	<i>дурь-</i>	'ковать'
<i>kür</i>	<i>kär</i>	<i>kjř</i>	<i>кур</i>	'лубок'
<i>küs</i>	<i>käs</i>	<i>kjs</i>	<i>кус</i>	'поясница'
<i>pünä</i>	<i>pänä</i>	<i>pini</i>	<i>пунь</i>	'собака'

⁵ Y. Wichmann, указ. раб., стр. 9—14.

⁶ Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком), Ижевск 1948, стр. 33.

⁷ В. И. Лыткин, Erkki Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXXI, Heft 3, Helsinki, 1954, стр. 149—345 [Рец.]. — ВЯ 1956, № 3, стр. 139—141.

⁸ В качестве праязыкового предшественника удм. *й* исследователи называют то **o* (там же, стр. 141; И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Автореферат канд. дисс., Тарту 1959, стр. 16), то **o* и **ü* (В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 75, 220—223), то **o* (Э. Итконен, В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков, Москва, 1964, 270 стр. [Рец.]. — ВЯ 1967, № 1, стр. 142; В. И. Лыткин, ЛабIALIZED гласные среднего ряда в пермских языках. — ВЯ 1968, № 1, стр. 91).

⁹ Соответствие малм.-урж., елаб., каз. *ш(й)~* уфим. *й* было уже замечено Ю. Вихманном (Y. Wichmann, указ. раб., стр. 15), а появление бес. *ө(э)* на месте п.-южн. *й* открыл В. И. Лыткин (В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 28).

б) <i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>y</i>	
<i>murt</i>	<i>murt</i>	<i>murt</i>	<i>мурт</i>	'человек'
(~ - <i>mort</i>)		(~ - <i>mort</i>)		
<i>kut</i>	<i>kut</i>	<i>kut</i>	<i>кут</i>	'лапти'
<i>šur</i>	<i>šur</i>	<i>šur</i>	<i>шур</i>	'река'
<i>ul</i> (~ - <i>oltes</i>)	<i>ul</i>	<i>ul</i>	<i>ул</i>	'низ'
в) <i>ǎ</i>	<i>ǎ</i>	<i>ǐ</i>	<i>ы</i>	
<i>kǎl</i>	<i>kǎl</i>	<i>kǐl</i>	<i>кыл</i>	'язык; слово'
<i>lǎz</i>	<i>lǎz</i>	<i>lǐz</i>	<i>лыз</i>	'синий'
<i>mǎnǎ-</i>	<i>mǎnǎ-</i>	<i>mǐnǐ-</i>	<i>мыны-</i>	'идти, ехать'
<i>ǎm</i>	<i>ǎm</i>	<i>ǐm</i>	<i>ым</i>	'рот'

Праудмуртский прототип гласных первого слога в трех перечисленных группах слов, естественно, различен: а) **ǔ*; б) **o₂*¹⁰ и в) **ǐ*. Рассмотрим подробнее историю **ǔ* и **ǐ* в современных диалектах.

1.2. По своим антропофоническим свойствам фонема **ǔ*, вероятно, чрезвычайно напоминала п.-южн. *ǔ* (если не была тождественна последнему) и характеризовалась как лабиализованный гласный верхнего подъема среднего (передне-среднего) ряда. Таким образом, в системе праудмуртских гласных она в фонетическом отношении занимала промежуточное положение между **ǐ* и **u*: с первой ее связывали признаки подъема и ряда (отличие выражалось по линии огубленности/неогубленности), а со второй — подъема и огубленности (отличие заключалось в признаке ряда). Такое фонетическое положение гласного **ǔ* в праудмуртском вокализме нашло своеобразное преломление при замещении современными репрезентантами в различных диалектах.

1.2.1. Свои фонетические свойства и фонологический статус он сохранил лишь в диалектах периферийно-южного наречия, которые в большей или меньшей последовательности употребляют *ǔ* на месте предполагаемого **ǔ*, например:

праудм.	татш.	бавл.	шошм.	кукм.	
* <i>gǔmǐ</i>	<i>gǔmǎ</i>	<i>gǔmǐ</i>	<i>gǔmǐ</i> ¹¹	<i>gǔmǎ</i>	'полюй (съедобный) стебель растений'
* <i>kǔdǐ</i>	<i>kǔdǎ</i>	<i>kǔdǐ</i>	<i>kǔdǐ</i>	<i>kǔdǎ</i>	'лукошко'
* <i>kǔdakǐn</i>	<i>kǔžokǎn</i>	<i>kǔdokǐn</i>	<i>kǔđokǐn</i>	<i>kǔđokǎn</i>	'далеко'
* <i>kǔna</i>	<i>kǔno</i>	<i>kǔno</i>	<i>kǔno</i>	<i>kǔno</i>	'гость'
* <i>kǔr</i>	<i>kǔr</i>	<i>kǔr</i>	<i>kǔr</i>	<i>kǔr</i>	'лубок'
* <i>nǔnal</i>	<i>nǔnal</i>	<i>nǔnal</i>	<i>nǔnoç</i>	<i>nǎnal</i>	'день'
* <i>pǔnǐ-</i>	<i>pǔnǎ-</i>	<i>pǔnǐ-</i>	<i>pǔnǐ-</i>	<i>pǎnǎ-</i>	'вить'
* <i>pǔnǐ</i>	<i>pǔnǎ</i>	<i>pǔnǐ</i>	<i>pǔnǐ</i>	<i>pǎnǎ</i>	'собака'
* <i>pǔl</i>	<i>pǔl</i>	<i>pǔl</i>	<i>pul</i>	<i>pul</i>	'доска'
* <i>sǔter</i>	<i>sǔter</i>	<i>sǔter</i>	<i>sǔter</i>	<i>suter</i>	'смородина'
* <i>šǔkǐ</i>	<i>šǔkǎ</i>	<i>šǔkǐ</i>	<i>šǔkǐ</i>	<i>šukǎ</i>	'пена'
* <i>ǔzǐ</i>	<i>ǔzǎ</i>	<i>ǔzǐ</i>	<i>ǔzǐ</i>	<i>ǔzǎ</i>	'земляника'
* <i>vǔnǐ-</i>	<i>vǔnǎ-</i>	<i>vǔnǐ-</i>	<i>vǔnǐ-</i>	<i>vǔnǎ-</i>	'забыться' и т. д.

¹⁰ Переход **o₂* > *u* имел место во всех диалектах удмуртского языка предположительно в XV—XVI вв. (S. Csúcs, A votják nyelv orosz jövevényyszavai II. — NyK LXXIV₁ 1972, стр. 34).

¹¹ Звук, средний между *i* и *ǎ*, обозначен *ǐ*.

Приведенный (далеко не полный) материал показывает, что **ü* наиболее последовательно сохранился в татышлинском диалекте; наибольшее количество отступлений имеет место в кукморском; бавлинский и шошминский диалекты занимают в этом отношении промежуточное положение. Однако перебои в репрезентации **ü* встречаются и в татышлинском диалекте, где вместо ожидаемого *ü* выступает *ä* или *i* (<**i*<**ü*):

прайдм.	татш.	бавл.	шошм.	кукм.	лит.	
* <i>zündes</i>	<i>zändes</i>	<i>zündes</i>	<i>zündes</i>	<i>zundes</i>	<i>зундэс</i>	'перстень'
* <i>ümm-</i>	<i>äm-</i>	<i>ümm-</i>	<i>um-</i>	<i>um-</i>	<i>умм-</i>	'сон'
* <i>müñča</i>	<i>miñčo</i>	<i>müñčo</i>	<i>miñčo</i>	<i>miñčo</i>	<i>мунчо</i>	'баня'
* <i>müña</i>	<i>müño ~ miño</i>	<i>miño</i>	<i>miño</i>	<i>miño</i>	<i>мунё</i>	'кукла'

1.2.2. В других диалектах **ü* претерпел определенные изменения: в северном и южном наречиях и промежуточных срединных говорах, утратив признак передне-среднерядности, фонетически и фонематически слился с *u* (лишь в качестве исключения этимологическим субститутом его выступает *i* или его варианты); в закамских говорах и бесермянском наречии в результате утраты признака огубленности он совпал с *i* (бес. *ä* < **i*) (спорадически сохранился нефонематический *ü* или появился (в закамских говорах) гласный *u*), ср.

сев.	южн.	закам.	бес.	лит.	
<i>duri-</i>	<i>duri-</i>	<i>diri-</i>	<i>därä-</i>	<i>дурь-</i>	'ковать'
<i>kuno</i>	<i>kuno</i>	<i>kiño</i>	<i>käno</i>	<i>куно</i>	'гость'
<i>nunal</i>	<i>nunal ~ niñal ~ niñal</i>	<i>nunal ~ niñal</i>	<i>nänal</i>	<i>нунал</i>	'день'
<i>pul</i>	<i>pul</i>	<i>pul</i>	<i>päl</i>	<i>пул</i>	'доска'
<i>puni</i>	<i>puni ~ piñi</i>	<i>piñi</i>	<i>pänä</i>	<i>пуны</i>	'собака'
<i>sukiri</i>	<i>sukiri</i>	<i>siñiri</i>	<i>säkäri</i>	<i>сукьри</i>	'каравай'
<i>suter</i>	<i>suter</i>	<i>suter</i>	<i>säter</i>	<i>сутэр</i>	'смородина'
<i>šuri</i>	<i>šuri</i>	<i>šuri</i>	<i>šärä</i>	<i>сюрь</i>	'насест, перекладина'
<i>kiđok-</i>	<i>kiđok- ~ kuđok-</i>	<i>küđok-</i>	<i>kädok-</i>	<i>кьидёкын</i>	'далеко'
<i>kuñan</i>	<i>kuñan</i>	<i>küñan</i>	<i>künan</i>	<i>кунян</i>	'теленоч'
<i>uj</i>	<i>uj</i>	<i>üj</i>	<i>üj</i>	<i>уй</i>	'ночь'
<i>učki-</i>	<i>učki-</i>	<i>üçki-</i>	<i>üškä-</i>	<i>учкь-</i>	'смотреть'
<i>uši-</i>	<i>uši-</i>	<i>üši-</i>	<i>üšä-</i>	<i>ушь-</i>	'упасть' и др.

Рефлексы прайдм. **ü* в современных диалектах схематически можно представить следующим образом:

* <i>ü</i>	—	→ <i>ü</i> [~ <i>u</i> , ~ <i>ä</i> (?)]	п.-южн.
		→ <i>u</i> [~ <i>i</i> (?), <i>ä</i>]	сев., южн., средн.
		→ <i>i</i> [~ <i>ü</i> , ~ <i>u</i>]	закам.
		→ <i>ä</i> [~ <i>ü</i>]	бес.

1.3. Наблюдающиеся во всех диалектах спорадические отклонения от строгих закономерностей в репрезентации праудм. **ü* можно объяснить, как нам кажется, двумя причинами: 1) позиционной обусловленностью появления незакономерного репрезентанта. Так, соседство палатальных согласных обусловило сохранение *ü* в отдельных словах закамских говоров и бесермянского наречия: *kũñan, üšj- ~ üšä-, üj* и т. д.; 2) междиалектным взаимовлиянием. Частое употребление *u* на месте ожидаемого *ü* (< **ü*) в кукморском диалекте (*pul, suter, šukä, uzä* и др.) объясняется не чем иным как влиянием сопредельных южно-удмуртских *u*-диалектов (последние частично участвовали в формировании отдельных говоров кукморского диалекта). Татышлинский диалект, образовавшийся на базе *ü*-говоров Вятского Правобережья и развивающийся в последние четыре столетия в абсолютной изоляции от других удмуртских диалектов¹², как и стоило ожидать, наиболее последователен в сохранении древнего **ü*.

Следует заметить, что и спорадические отступления подчинены своеобразной закономерности: в одном диалекте в качестве отклонения выступает такой гласный, который является закономерным (регулярным) представителем **ü* в других говорах.

1.4. Определить причины и время падения **ü* в большинстве удмуртских диалектов пока нам не удалось. Несомненно одно — оно имело место после распада праудмуртской языковой общности в период формирования удмуртских диалектов современного типа.

1.5.1. Постулирование для праудмуртского языка фонемы **ü* и выявление закономерностей ее представительства в современных диалектах позволяют относительно легко и непротиворечиво объяснить наличие междиалектного корреспондирования *u ~ i* (~ *ü*), по-разному и не вполне удовлетворительно объясняемого исследователями пермских языков.

Так, по мнению Ю. Вихманна, гласный *î* (*ě, i*) — один из членов корреспонденции — появился в уфимском, малмыжско-уржумском диалектах на месте *u* других диалектов из первичного *u* под регрессивно-ассимилятивным влиянием *î* (*ě, i*) последующего слога (уфим. *gîbîres* 'горбатый' ~ елаб., малм. *gubîres*, сар. *gubîräs*; малм.-урж. *nigîli*, каз. *nĕgĕli* 'шар; круглая лапша' ~ малм. *nugîli*, сар. *nugîli* и т. д.); а в словах типа уфим. *îno* 'много' ~ малм.-урж., елаб., малм., сар., глаз. *uno*; уфим. *nînal*, малм.-урж. *nînal*, каз. *nĕnal* 'день' ~ елаб. *nunäü*, малм., глаз., сар. *nunal* и др. корреспонденция *u ~ î* восходит к более раннему времени.¹³

Иначе объясняет возникновение *u ~ i* (*ø, i*) В. И. Лыткин. Он считает, что в этой корреспонденции «*i* развилось из *u* в силу редукции (потери лабиализации) в безударном положении».¹⁴

Однако ни первая, ни вторая гипотеза, имея приблизительно одинаковую степень вероятности, не в состоянии объяснить, почему *u ~ i* охватывает лишь строго определенный круг лексем, за пределами которого она не употребляется.

Как показывают наши материалы, междиалектное чередование

¹² Переселение татышлинских удмуртов из Заказанья на современную территорию проживания в бассейне р. Быстрый Танып (северная Башкирия) произошло, судя по преданиям и некоторым историческим документам, непосредственно после завоевания Казани Иваном IV.

¹³ Y. Wichmann, указ. раб., стр. 14—16.

¹⁴ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 21.

$u \sim i$ ($\sim \dot{u}$) охватывает именно те слова, которые в прайдмуртский период содержали $*\dot{u}$, возникло оно как результат неоднозначного замещения прайдм. $*\dot{u}$ в современных диалектах.

И, соответственно, прайдм. $*\dot{u}$ можно восстановить прежде всего в тех словах, которые принимают участие в междиалектном чередовании $u \sim i$ ($\sim \dot{u}$).

1.5.2. Кроме того, установление закономерностей замещения $*\dot{u}$ различными гласными в современных диалектах позволяет разрешить проблему, давно дискутируемую исследователями пермских языков: какова была физическая природа фонемы $*\dot{u}$?

2. Последний представлен в современном удмуртском языке в трех диалектных вариантах. Узкий среднерядный вариант (\dot{i}) характерен для большинства диалектов южного¹⁵ и северного¹⁶ наречий, промежуточных срединных¹⁷ и закамских¹⁸ говоров; этот же вариант является нормой литературного языка.¹⁹ Вариант \dot{a} — заднего ряда среднего (нижне-среднего) подъема — распространен в кукморском и татышлинском диалектах периферийно-южного²⁰, отдельных говорах северного²¹ и южного²² наречий, а также в языке бесермян.²³ Между этими двумя полярными (основными) вариантами находится промежуточный, условно фиксируемый с легкой руки Ю. Вихманна при помощи знака \dot{i} . Данный вариант — гласный верхне-среднего (среднего) подъема средне-заднего ряда — выступает в бавлинском²⁴ и шошминском²⁵ диалек-

¹⁵ Г. А. Архипов, Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка. — *Tõid filoloogia alalt I*, Tartu 1962 (TRÜT 117), стр. 190, 192.

¹⁶ Т. И. Тепляшина, Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия. — ЗУдмНИИ 21. Филология, Ижевск 1970, стр. 159.

¹⁷ Т. И. Тепляшина, Фонетическая характеристика тыловайского говора. — ЗУдмНИИ 18, Ижевск 1957, стр. 119; ее же, Заметки по верхнеижским говорам. — Вопросы удмуртского языкознания, вып. II. Сборник статей и материалов, Ижевск 1973, стр. 200; С. К. Бушмакин, Фонетические и морфологические особенности средневожосточных говоров удмуртского языка. Автореферат канд. дисс., Тарту 1971, стр. 10 и др.

¹⁸ Р. Ш. Насибуллин, Закамские говоры удмуртского языка. Автореферат канд. дисс., Тарту 1973, стр. 7—8.

¹⁹ Лит. \dot{u} ошибочно назван гласным верхнего подъема средне-заднего ряда (Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 17), что не подтверждено экспериментальным исследованием А. М. Акмарова, который характеризует его: «... удмуртский $[\dot{u}]$ определяется как нелабиализованный гласный среднего отодвинутого назад ряда высокого подъема» (А. М. Акмаров, Удмуртские гласные по данным рентгенографического и палатографического исследования. — Вопросы теории и методики изучения русского языка. Выпуск четвертый, Ижевск 1965, стр. 155).

²⁰ В. К. Кельмаков, Кукморский диалект удмуртского языка. Автореферат канд. дисс., Москва 1970, стр. 8; его же, Фонема \dot{a} в татышлинском диалекте удмуртского языка. — СФУ Х 1974, стр. 101—106.

²¹ В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина, Некоторые особенности глазовского диалекта. — ЗУдмНИИ 19, стр. 218—219.

²² Все три варианта рассматриваемого гласного — \dot{i} , \dot{a} и \dot{i} — обнаружены фольклорно-диалектологической экспедицией студентов филологического факультета Удмуртского государственного университета в 1972 г. в различных населенных пунктах Граховского района Удмуртской АССР.

²³ Y. Wichta pp, указ. раб., стр. VI. Т. И. Тепляшина характеризует данный гласный в бесермянском наречии как средне-заднерядный (Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970, стр. 70).

²⁴ И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных), стр. 6.

²⁵ Т. И. Тепляшина, Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. — Вопросы языка, литературы и фольклора, Йошкар-Ола 1961 (ТМарНИИ XV), стр. 129.

тах, а также, составляя переходную ступень между *i̇* и *ä*, в некоторых говорах северного и южного наречий, именно в тех, где происходит постепенный переход от *ä* к *i̇*. Примеры:

сев., южн.	закам.	п.-южн.	бес.	лит.	
<i>kik</i> ~ <i>kîk</i> ~ <i>kâk</i>	<i>kik</i>	<i>kâk</i> ~ <i>kîk</i>	<i>kâk</i>	<i>кык</i>	'два'
<i>nił</i> ~ <i>nîł</i> ~ <i>nâl</i>	<i>nił</i>	<i>nâl</i> ~ <i>nîł</i>	<i>nâl</i>	<i>ныл</i>	'девушка'
<i>iž</i> ~ <i>i̇ž</i> ~ <i>âž</i>	<i>iž</i>	<i>âž</i> ~ <i>i̇ž</i>	<i>âž</i>	<i>ыж</i>	'овца'
<i>mîñ</i> ~ <i>mîñ</i> ~ <i>mân</i>	<i>mîñ</i>	<i>mân</i> ~ <i>mîñ</i>	<i>mân</i>	<i>мын</i>	'иди'

2.1. Вопрос о первичности одного из основных произносительных вариантов рассматриваемой общепермской фонемы и причинах возникновения второго (или других) интересовал пермистов давно, и в спорах вокруг данной проблемы выкристаллизовались два противоположных мнения.

Так, В. И. Лыткин в свое время предположил, не является ли вариант *ä* (*ө*), встречающийся в архаичных удмуртских и коми²⁶ диалектах, первичным, восходящим к финно-угорским редуцированным гласным.²⁷ Поддержал это мнение И. В. Тараканов.²⁸

В пользу первичности варианта *i̇* в удмуртских и коми диалектах высказались Д. В. Бубрих, Э. Итконен и др.²⁹ По мнению Д. В. Бубриха, диалектный вариант *ä* появился в результате редукции *i̇*.³⁰ Возникновение *ä* из *i̇* в коми-язьвинском диалекте Э. Итконен связывает с процессом выравнивания гласных в пределах непервого слога, в результате чего *ä* (*ө*) непервого слога заместил собой не только *i̇*, но и более открытый *e*.³¹ В последнем крупном исследовании В. И. Лыткин отказался от своего первоначального мнения и присоединился к предположению Д. В. Бубриха о вторичном происхождении *ä* из *i̇*.³²

2.2. Нам больше импонирует вторая точка зрения, согласно которой более древним (по крайней мере, характерным для праудмуртского языка) является среднерядный диалектный вариант (*i̇*) рассматриваемого гласного. В пользу этого свидетельствует тот факт, что в период, когда происходила делабиализация праудм. **ü*, в диалектах, где она имела место, выступал еще вариант **i̇* — гласный верхнего подъема среднего ряда, а не широкий заднерядный вариант *ä*, как в настоящее

²⁶ О гласном *ä* (*ө*) в коми-язьвинском диалекте см.: В. И. Лыткин, К вопросу о вокализме пермских языков. — Труды Института языкознания АН СССР I, Москва 1952, стр. 87; его же, Коми-язьвинский диалект, Москва 1961, стр. 24—25.

²⁷ В. И. Лыткин, К вопросу о вокализме пермских языков, стр. 99—100; его же, Erkki Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremisschen und in den permischen Sprachen [Рец.], стр. 143.

²⁸ И. Тараканов, О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка. — Keeleteaduslikke töid, Tartu 1959 (TRÜT 77), стр. 190.

²⁹ Кажется, этого же мнения придерживался и Ю. Вихманн, хотя прямо он и не ставил вопроса о происхождении диалектных вариантов (*i̇*, *i̇*) данной фонемы (Y. Wichmann, указ. раб., стр. 18—19).

³⁰ Д. В. Бубрих, указ. раб., стр. 18.

³¹ E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremisschen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI₃ 1954, стр. 299.

³² В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 187.

время. В противном случае делабиализованный гласный **ü* слился бы скорее с переднерядным гласным верхнего подъема *i*³³, нежели с *ä*.

Таким образом, фонетический процесс **ü* > *ä*, происходивший в бесермянском (регулярно) и некоторых диалектах периферийно-южного наречия (спорадически), должен был иметь промежуточную ступень **ü* > *i* (+ **i*) > *ä*.³⁴ Это среднее звено сохранилось в закамских, некоторых южных и срединных говорах, в которых не наблюдается звукопереход **i* > *ä*, например: прайдм. **küdi* > закам. *kidi* ~ бес. *kädä* (< прабес. **kidi*) 'лукошко'; прайдм. **zundes* > закам., южн. (д. Ямайкино Кизнерского района Удмуртской АССР) *zundes* ~ бес., татш. *zändes* (< прабес., раннетатш. **zundes*) 'перстень, колечко', прайдм. **püni* > закам., некоторые говоры южн. *pini* ~ бес., кукм. *pänä* (< прабес., раннекукм. **pini*) 'собака' и другие.

2.3. Причину *i* > *ä* (*i*) в отдельных удмуртских диалектах нужно искать, как нам кажется, в особенностях исторического развития последних. Известно, что почти все диалекты, употребляющие в настоящее время заднерядный гласный *ä* (*i*), в течение длительного периода развивались в тесном контакте с диалектами татарского языка (местами этот контакт продолжается и в наши дни) и имеют множество тюркизмов во всех языковых уровнях. Вполне вероятно, что и отодвижка артикуляции данного гласного назад произошла в удмуртских диалектах под влиянием произносительной нормы татарского языка.³⁵ В некоторых диалектах это влияние могло происходить опосредованно, т. е. через другие удмуртские диалекты. В частности, в северноудмуртских говорах изменение *i* в *ä* (*i*) происходило, как нам кажется, под влиянием бесермянского наречия.

Процесс **i* > *ä* (*i*) протекал позднее, чем **ü* > *i* (возможно, в различных диалектах в разное время), поэтому первым процессом были охвачены как первичный **i*, так и *i* из **ü*.

3. Особую стройность и логичность системы гласных, реконструированной для общепермского языка-основы, В. И. Лыткин видит в том, что «все среднерядные и заднерядные (кроме гласного нижнего подъема *a*) были лабиализованные, а гласные переднего ряда — нелабиализованные». И в этой системе, заключает он, нет места для нелабиализованного *i*.³⁶

Возможно, в общепермский период дело действительно обстояло подобным образом, однако прайдмуртская система гласных, органиче-

³³ Гласный *i* на месте прайдм. **ü* появился в отдельных словах различных (преимущественно южноудмуртских) диалектов (например: *žüčü* > удм. лит. *žičü* 'лиса', **miüna* > кукм. *miño* 'кукла' и др.) не непосредственно из **ü*, а через промежуточную ступень **ü* > *i* > *i*, одновременно с переходом первичного (прайдмуртского) **i* в *i*, происходившим во многих южноудмуртских и срединных диалектах под влиянием соседних палатальных согласных, например: **vil* (ср. удм. лит., коми *выль*, сев. *vil* ~ *väl*) > южн., п.-южн., закам. *vil* 'новый'; **piž* (ср. удм. лит., коми *пызь*, сев. *piž* ~ *päž*) > южн., п.-южн., закам. *piž* 'мука' и др. См. также: У. W i c h m a n n, указ. раб., стр. 19—22.

³⁴ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 111.

³⁵ В. И. Лыткин, Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках, стр. 93. См. об этом подробнее: В. К. Кельмаков, Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка. — Советская тюркология 1974, № 3, стр. 54—55.

³⁶ В. И. Лыткин, Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках, стр. 94.

ски продолжающая общепермскую, обнаруживает явный отход от предполагаемой В. И. Лыткиным стройности в отношениях между огубленными и неогубленными.

В праудмуртской системе гласных средний ряд был представлен, как уже отмечено, двумя четко противопоставленными друг другу гласными верхнего подъема: лабиализованным **ï* и нелабиализованным **î*. Смешение их в пользу **î* в одних диалектах и слияние **ï* с гласным верхнего подъема **u* в других, а также появление заднерядных вариантов **î* в некоторых диалектах произошли уже после распада праудмуртской языковой общности в период самостоятельного развития современных диалектов.

Сокращения

Удмуртские диалекты: бавл. — бавлинский, бес. — бесермянский, зак. — закамский, каз. — казанский, кукм. — кукморский, малм.-урж. — малмыжско-уржумский, п.-южн. — периферийно-южный, татш. — татышлинский, урс. — урыгуртский, уфим. — уфимский, шошм. — шошминский.

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

DIE REFLEXE DER HOHEN URUDMURTISCHEN MITTELVOKALE IN DEN HEUTIGEN MUNDARTEN

Im urudmurtischen Vokalsystem gab es m. E. zwei hohe Mittelvokale: das labialisierte **û* und das nichtlabialisierte **î*.

Das urudmurtische **û* ist in seinem lautlichen Bild und in seiner Funktion nur in den Mundarten der peripher-südlichen Dialekteinheit erhalten geblieben; in den anderen Mundarten hat es wesentliche Veränderungen erfahren: in der nördlichen und südlichen Dialekteinheit sowie in den dazwischen liegenden mittleren Mundarten verschmolz es funktionell mit dem *u*, in den jenseits der Kama liegenden Mundarten und im Bessermänischen fiel es infolge des Verlustes der Labialität mit dem *î* (besserm. $\hat{a} < *î < *û$) zusammen, z. B. **kûs* > p.-südl. *kûs* (nördl., südl., mittl. *kus*, udm. Schriftspr. *кус*) ~ jenseits der Kama *kîs*, besserm. *kâs* 'Kreuz'); **pûnî* > p.-südl. *pînâ* ~ *pânâ* (nördl. *punî*, südl., mittl. *punî* ~ *pînî*, udm. Schriftspr. *пуны*): jenseits der Kama *pînî*, besserm. *pânâ* 'Hund' u. a.

Die in allen Dialekten sporadisch vorkommenden Abweichungen in der Repräsentation des urudm. **û* läßt sich durch die Positionsbedingtheit und die mundartliche Wechselwirkung erklären.

Von den zwei mundartlichen Hauptvarianten des udmurtischen *î* (des hohen Mittelvokals *î* und des mittelhohen Hintervokals \hat{a}) ist die Variante *î* die ältere. Seine Varianten \hat{a} und \hat{i} (Zwischenlaut zwischen dem *î* und dem \hat{a}) der hinteren Reihe entstanden in der peripher-südlichen und der bessermänischen Mundart und in einigen südlichen Dialekten unter dem Einfluß des Tatarischen. Das Tatarische beeinflusste einige nördliche Mundarten durch die Sprache der Bessermänen.